

Литературные герои на поле Ватерлоо двести лет спустя

Н.К. Новикова

к.ф.н.

преподаватель кафедры
истории зарубежной литературы

Ватерлоо — это стержень, на котором держится XIX в.
Исчезновение великого человека [Наполеона] было
необходимо для наступления великого столетия. ...
Чрезмерный вес его в судьбе народов нарушал общее
равновесие. ... Избыток жизненной силы человечества,
сосредоточенный в одной голове, целый мир,
представленный, в конечном счете, мозгом одного человека,
стали бы губительны для цивилизации, если бы такое
положение продолжалось

Виктор Гюго

1802 - 1885

Наполеон Бонапарт

1769 - 1821

встреча Блюхера и Веллингтона на поле Ватерлоо

Но по ночам встает над ней какой-то призрачный туман, и если там окажется путник, если он оглядывается, если он вслушивается, если грезит, подобно Вергилию на мрачных Филиппских полях, то им овладевает галлюцинация, он словно присутствует при катастрофе. Перед ним вновь оживает страшное 18 июня исчезает искусственный курган-памятник, пропадает лев, поле битвы вновь обретает свой настоящий облик; на равнине колышутся ряды пехоты, на горизонте стремительно проносится конница; потрясенный мечтатель видит сверкание сабель, блеск штыков, вспышки взрывающихся бомб, чудовищную перекличку громов; ему слышится хрипение в глубине могилы, смутный гул призрачной битвы. Эти тени - гренадеры; вон те мерцающие огоньки - кирасиры; этот скелет - Наполеон, тот скелет Веллингтон. Все уже давно истлело, но продолжает сшибаться и бороться, и овраги обагряются кровью, и дрожат деревья, и до самых облаков вздымается неистовство битвы, и смутно возникают во мраке все эти зловещие высоты, Мон -Сен -Жан, Гугомон, Фришмон, Папелот и Плансенуа, а над ними вихрь истребляющих друг друга привидений.

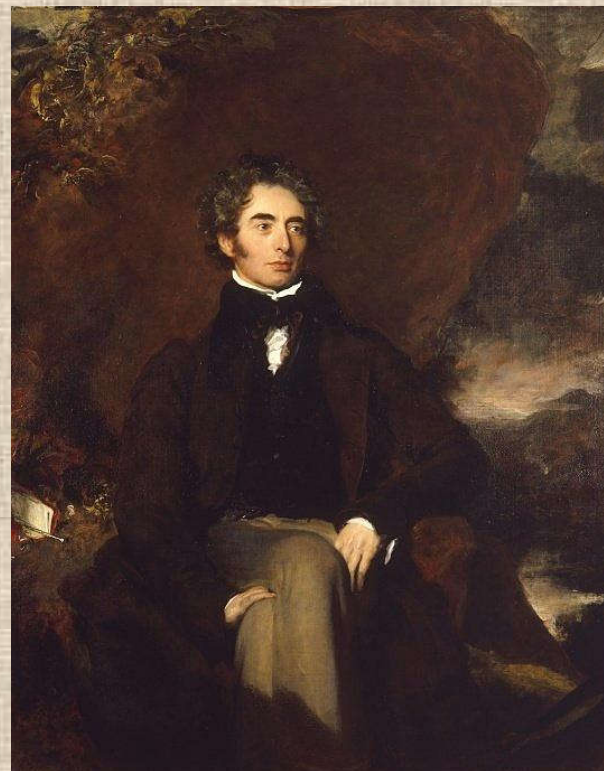

Ватерлоо – это стержень, на котором держится XIX в. Исчезновение великого человека [Наполеона] было необходимо для наступления великого столетия. И это взял на себя тот, кому не прекословят. Паника героев объяснима. В сражении при Ватерлоо появилось нечто более значительное, нежели облако: появился метеор. Там побывал бог.

Вальтер Скотт

1771 - 1832

Роберт Саути

1774 - 1843

Джон Беньян,
«Путь паломника», 1678

Джон Милтон,
«Потерянный рай», 1667

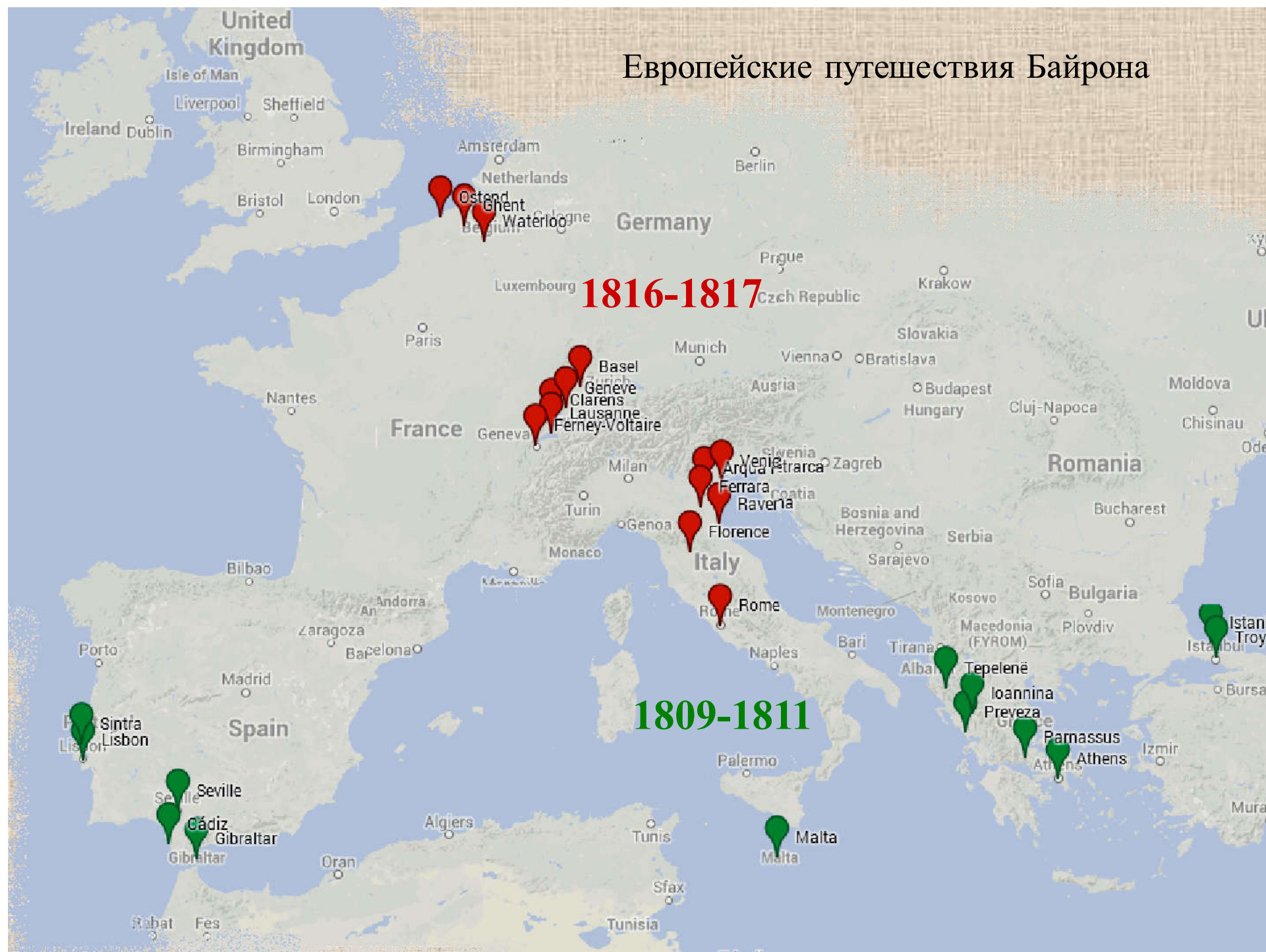

Джордж Гордон Байрон

1788 - 1824

Европейские путешествия Байрона

Беглец, герой, смиритель усмиренный,
Шагавший вверх по головам владык,
Шатавший императорские троны,
Хоть знал людей ты, знал толпы законы,
Не знал себя, не знал ты, где беда,
И, раб страстей, кровавый жрец Беллоны,
Забыл, что потухает и звезда
И что дразнить судьбу не надо никогда.

Сильнейший там, но нет, не худший пал.
В противоречьях весь, как в паутине,
Он слишком был велик и слишком мал,
А ведь явись он чем-то посредине,
Его престол не дрогнул бы доныне
Иль не воздвигся б вовсе. Дерзкий пыл
Взнес его и приковал к пучине,
И вновь ему корону возвратил,
Чтоб, театральный Зевс, опять он мир смутил.

Ищу героя! Нынче что ни год
Являются герои, как ни странно
Им пресса щедро славу воздает,
Но эта лесть, увы, непостоянна
Сезон прошел - герой уже не тот
А посему я выбрал Дон-Жуана
Ведь он, наш старый друг, в расцвете сил
Со сцены прямо к черту угодил

Расцвет романа в XIX веке следует поставить в прямую зависимость от наполеоновской эпопеи, необычайно повысившей акции личности в истории и через Бальзака и Стендаля утучнившей почву для всего французского и европейского романа.

В эпоху наполеоновских войн вокруг биографии Наполеона образовался целый вихрь маленьких подражательных биографий, воспроизводивших судьбу центральной исторической фигуры, не доводя ее, конечно, до конца, а варьируя на разные лады. Стендаль рассказал одну из этих подражательных вихревых биографий.

Типичная биография захватчика и удачника Бонапарта расплылась у Бальзака в десятки т.н. *roman de réussite* «романов удачи», где основной движущей темой является не любовь, а карьера.

О.Э. Мандельштам. Конец романа, 1922

Уильям Мейкпис Теккере́й

1811-1863

... в марте, в лето от Рождества Христова 1815-е
Наполеон высадился в Каннах. Людовик XVIII
бежал, вся Европа пришла в смятение,
государственные бумаги упали и старый Джон
Седли разорился.

Бегство жителей все продолжалось, одно семейство за другим,
разыскав экипаж и лошадей, покидало город. Когда Джоз 17 июня
явился в гостиницу к Ребекке, он увидел, что большая карета
Бейраксов уехала наконец со двора: граф каким-то образом
раздобыл пару лошадей без помощи миссис Кроули и катил теперь по
дороге в Гент. Людовик Желанный в этом же городе упаковывал свой
porte-manteau. Казалось, злая судьба никогда не устанет преследовать
этого незадачливого изгнанника.

Действие Вальтера Скотта ощутительно во всех отраслях ему современной словесности. Новая школа французских историков образовалась под влиянием шотландского романиста. Он указал им источники совершенно новые, неподозреваемые прежде, несмотря на существование исторической драмы, созданной Шекспиром и Гете. Главная прелесть романов Скотта состоит в том, что мы знакомимся с прошедшим временем не с *enflure* [напыщенностью] французских трагедий, — не с чопорностью чувствительных романов — не с *dignité* [достоинством] истории, но современно, но домашним образом.

А.С. Пушкин

Стендаль

1783-1842

Вдруг все поскакали галопом. Через несколько мгновений Фабрицио увидел, что шагах в двадцати перед ним вспаханная земля вся шевелится самым диковинным образом. Борозды пашни были залиты водой, а мокрая земля на их гребнях высоко взлетала черными комками. Фабрицио взглянул на эту странную картину и снова стал думать о славе маршала. Позади раздался короткий крик: упали с седла двое гусаров, убитые пушечным ядром, и, когда он обернулся посмотреть, эскорт уже был от них в двадцати шагах. Ужаснее всего было видеть, как билась на вспаханной земле лошадь, вся окровавленная, запутавшись ногами в собственных своих кишках: она все пыталась подняться и поскакать вслед за другими лошадьми. Кровь ручьем текла по грязи.

"Ах, наконец-то я под огнем! - думал Фабрицио. - Я был в бою! — твердил он удовлетворенно. - Теперь я настоящий военный"